

## ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское государство въ самыя отдаленныя времена, которыя намъ древніе Историки извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой Европейской державѣ славою, силою, изобиліемъ и побѣдами, по тогдашнему государству состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ всѣ прочія какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ великаго Князя ВЛАДИМИРА разторженіе Россіи на разныя доли, удѣльныя княжества, междоусобія, неустройства и властолюбіе размножившихся Князей, время от времени силы ея истощать начинали; а наконецъ бѣдственному игу хищныхъ Ордъ поработили. Съ того времени угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва извѣстною учинилась; она подъ своими развалинами въ забвеніи близъ трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію набѣги Татаръ и самовластіе ихъ погрузило; отторженіе многихъ княжествъ, прочими сосѣдами у ней похищенныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнуряющихъ свое отечество; сіе состояніе къ совершенному паденію ея наклонило. Зло сіе простерлось до времени Царя ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Перваго, вдругъ возбуждившаго Россію, уготовавшаго оную къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергшаго ига Царей Ордынскихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство; сія важная и крутая перемѣна произошла при внукѣ Царскомъ ІОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ Второмъ, который есть Герой сія Поэмы.

И такъ не должно ли царствование ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Втораго поставлять среднею чертою, до которой Россія, бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близъ трехъ вѣковъ ею утраченную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнетенное, внутренними безпокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцами порабощенное, собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть пріемлющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей попирающаго, многоначальство обуздывающаго, мятежниковъ и въ нѣдрахъ отечества усмирившаго, отторженные соседями грады возвращающаго, и цѣлыя государства своему скипетру присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ укротившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія толь великаго духа къ Государю? Таковъ былъ Царь ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ!

Иностранные писатели, сложившіе нелѣпныя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицають. Самъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышленіе. Впрочемъ безмѣрная Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ поименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе: по чему сіе твореніе и Россіядою названо. Представляю младаго Монарха, лаврами утѣчаннаго; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ краткой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги

Грознымъ учинился, и что неуройства Боярь, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляя совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи; а моя Поэма сіе оправдать обязана.

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой труд, нынѣ въ третій разъ исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на Исторической истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятують мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, избобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливый намѣренія, обыкновенно по таковомъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

## ВЗГЛЯДЪ НА ЭПИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

Въ *Иліадѣ* Гомеръ воспѣваетъ гнѣвъ Ахиллесовъ, за похищеніе его невольницы Бризеиды Царемъ Агамемнономъ, гнѣвъ толико бѣдственный Грекамъ и Пергаму; кровавыя битвы, пагубу осаждающихъ и пагубу осажденныхъ Троянъ. — Патрокль, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ — онъ мститъ за своего друга — убиваетъ храбраго Гектора, и темъ Поэма оканчивается.

Въ *Одиссее* воспѣто десятилѣтнее странствованіе Итакскаго Царя Улисса; возвращеніе его въ домъ свой и страшное избиеніе любовниковъ Пенелопиныхъ, которое *Минстерофоніей* наречено.

Виргилій въ несравненной *Энеидѣ* воспѣлъ побѣгъ Энеевъ изъ разоренной Греками Трои, при бытіе его въ Кароагену, любовь его с Дидоною, невѣрность его къ сей несчастной Царицѣ — Другой побѣгъ его въ Италію, гдѣ убивъ Турна, сопрягается онъ с Лавиніею, невѣстою сего почтеннаго Князя.

Въ *Погубленномъ раѣ* важный *Мильтонъ* повѣствуетъ паденіе перваго человѣка, вкушеніе запрещеннаго плода, торжество діавола, изгнаніе Адама и Эвы изъ рая за ихъ непослушаніе, и причину злополучія всего человѣческаго рода.

*Волтеръ* начинаетъ свою *Генріяду* убіеніемъ Генриха III, а оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной Религіи въ другую — но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ.

*Армида* въ Тассовомъ *Іерусалимѣ*, прекрасная волшебница; Армида, есть душа сей неоцѣненной Поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода, возхитительны — но не суть назидательны.

Пробѣжимъ *Лузіяду Камюенсову* и *Фарзалию Луканову*. — Первая есть странствованіе Лузитанцовъ въ Африку, обрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ земель — сказанія и чудесности. Вся сія Поэма есть пѣтическое повѣствованіе, въ коемъ и самъ Поэтъ имѣлъ участіе. Но повѣствованіе, живую кистію писанное, сладостное, привлекательное; это есть галлерея преизящныхъ картинъ, непорядочно разставленныхъ, но каждая изъ нихъ восхищаетъ, трогаетъ, удивляетъ, и въ память вѣзывается.

*Фарзалию* многіе нарицаютъ Газетами, пышнымъ слогомъ воспѣтыми; но сіи Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаніями и сильными выраженіями; въ ней воспѣта война Юлія съ Помпеемъ; при всемъ томъ Поэма не dokonчана Пѣвцомъ своимъ, и не была исправлена.

Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто Эпическая Поэма похвальною пѣснію быть должна. Эпическая Поэма заключаетъ какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну относящуюся до всего человѣческаго рода — таковъ есть *Погубленный рай* Мильтоновъ; или воспѣваетъ случай, въ какомъ нибудь Государствѣ происшедшій и цѣлому народу къ славѣ, къ успокоенію, или наконецъ ко преобразенію его послужившій — такова должна быть Поэма ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, которую по моему мнѣнію писать еще не время. Два великіе Духа принимались пѣть ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Г. Ломоносовъ и Томасть; оба начали — оба не кончили. —

Къ такому роду Поэмъ должно *Генріяду* Волтерову — и мою *Россіяду*, не сравнивая однако слабое мое твореніе съ превосходною Эпопеею Волтеровою. — Горю тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину, и сколь великую славу пріобрѣдо наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя *времена*, когда Россія поработена была Татарскому игу — надобно вообразить набѣги и наглости Ордынцовъ, внутри

нашего государства чинимые — представить себя Князей Россійскихъ раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія Царей Казанскихъ — видѣть правителей Татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ Князей обладающихъ — надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабоженія Ордынцамъ — и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, яго мучителей своихъ свергшую, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное — и младаго Государя, прежнимъ своимъ законодателямъ кроткіе законы предписующаго. —

Читатель! ежели, преходя всѣ сии бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и наконецъ въ сладостный восторгъ не придетъ — не читай мою Россіяду — она не для тебя писана — писана она для людей умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну, и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ.

Знаю, что моя Поэма далеко отстоитъ отъ Эпическихъ Поэмъ въ мірѣ извѣстныхъ; знаю, что въ ней есть немалыя погрѣшности, слабости, несовершенства; что многое въ ней подвержено благоразсудной критикѣ, но не плеведамъ головъ поврежденныхъ — но кто изъ Писателей избѣжалъ критики? и кто написалъ совершенное твореніе въ мірѣ?

## ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

- Пою отъ варваровъ Россію свободенну,  
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну;  
Движеніе древнихъ силъ, труды, кроваву брань,  
Россіи торжество, поверженну Казань.
- 5 Изъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало,  
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

- О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,  
Стихотворенія духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,  
На слабое мое и темное твореніе
- 10 Пролей твои лучи, искусство, озареніе!

- Отверзи, Вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,  
Гдѣ вся отвержена земная суета;  
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;  
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тѣстою почитаютъ,
- 15 Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,  
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;  
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ;  
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
- Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моею
- 20 Вниманье привлеку народовъ и Царей.  
Завѣса поднялась! Сіяютъ предъ очами  
Герои, свѣтлыми увѣнчанны лучами.  
Отъ нихъ кровавая Казанская луна  
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
- 25 О вы, ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!  
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитесь тѣлесныхъ.

- Еще восточную Россіи древней часть  
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;  
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
- 30 Кипѣли мятежи, росли злодѣйства новы;  
Простерся бѣдный страхъ по селамъ и градамъ;  
Летало зло за зломъ, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;  
Куреній олтари во храмахъ не имѣли,  
Умолкло пѣніе, лишь бури тамъ шумѣли;
- 35 Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,  
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.

- Когда свѣтило дня къ полунощи взидало,  
Стенящу, страждущу Россію обрѣтало.  
Въ ея объятіяхъ рожденная Казань  
40 Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань.  
Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,  
На полночь гордою горою возвышенный,  
Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,  
Отколѣ на берега шумящей Волги зрѣть.
- 45 Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами  
Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,  
Черезъ кои въ сердце онъ Россіи выбѣгалъ,  
Селенія пустошилъ и грады пожигалъ.  
Съ вершины видя горъ убійства и пожары,  
50 Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,  
Разженны вѣрою къ закону своему;  
Казань, поверженна въ Махометанску тму,  
Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взидала,  
И руки чрезъ поля въ Россію простидала;
- 55 Просила помощи и свѣта отъ Князей,  
Когда злочестіе простерло мраки въ ней.  
Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,  
Народа своего бѣдами и томленьемъ,  
На части полночь всю разторгшіе Князья,  
60 Смиряли наглыхъ Ордѣ, во браняхъ кровь лія.
- Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,  
Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,  
И жалы отостивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,  
Вползали паки въ грудь Россіи тѣ змій.
- 65 Драконова глава лежала сокрушенна,  
Но древняя злоба въ немъ была не потушенна;  
Подъ пепломъ крылся огонь и часто возгаралъ,  
Во смутны Россовъ дни онъ силы собиралъ;  
Неукротимыхъ Ордѣ воскресла власть поправна,
- 70 Во время юности втораго Іоанна.  
Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ  
Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;  
Смутился духъ его несчастливимъ походомъ,  
Гдѣ онъ начальствовалъ въ войнѣ прошедшимъ годомъ;
- 75 Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,  
Крилами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань;  
Онъ мрачной тучею и бурями увился,  
Подобенъ грозному страшилищу явился,  
Въ глухой степи ревѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,  
80 Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,  
И Волжскія струи на тучны двинувъ бреги,  
Подулъ изъ хладныхъ устъ морозы, вихрь и снѣги;  
Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,

Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣть.

- 85        Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,  
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.  
О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ!  
Прости великій Царь мою отважность мнѣ,  
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,  
90    Пресвѣтлый полдень твой громчае буду славить;  
Великъ, что бурю ты вокругъ царства укротилъ,  
Но больше, что страстямъ душевнымъ воспретилъ.

- Увидѣвъ, что Москва оставивъ мечъ уснула,  
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;  
95    Храняща ненависть недремлющи глаза,  
Отъ Волги поднялась какъ страшная гроза;  
Орда, нарушивъ миръ, оковы разрывала,  
И злобой движима, мутилась, бунтовала,  
И стала воздымать главу и рамена,  
100   Россію утѣснить, какъ въ прежни времена.  
Сей страшный исполинъ въ Россійски грады входитъ,  
Убійства, грабежи, насильства производитъ;  
Рукою мечъ несетъ, другой звучащу цѣпь,  
Валяются стѣны вокругъ, томится лѣсъ и степь.  
105   Уже вельніемъ коварныя Сумбеки,  
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки;  
И пламенникъ нося неукротимо зло,  
Посады въ ярости Московскіе пожгло;  
Въ жилища Христіанъ съ кинжаломъ казни вступила,  
110   И кровь страдальческа на небо возопила;  
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;  
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ.

- Алчба, прикована корыстей къ колесницѣ,  
Въ Россійской сѣяла страданіе столицѣ.  
115   О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачать,  
Тамъ чувства жалости надолго замолчать.  
Москва, разимая погибелію внѣшней,  
Отъ скорбей внутреннихъ явилась безутѣшной.

- Сокрылась истинна на время отъ Царя;  
120   Лукавство, честь поправъ, на собственность воззря,  
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,  
Вошло, и день отъ дня сильнѣе становилось.

- Тамъ лесь представилась въ притворной красотѣ,  
Котора во своей природной наготѣ  
125   Мрачна какъ ночь, робка, покорна, тороплива,  
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,  
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,  
Дабы служить имъ ко преткновенью ихъ.

- Сія природну желчь преобративъ во сладость,  
130 Въ забавы вовлекла неосторожну младость;  
Вельможи, выгодѣ ревнующи своей,  
Соединилися къ стыду державы съ ней;  
И дещь надежныя подпоры получила,  
Отъ Царскаго лица невинность отлучила.  
135 Гонима истинна стрѣлами клеветы,  
Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!
- Во смутны времена еще вельможи были,  
Которы искренно отечество любили;  
Соблазны щастія они пренебрегли,  
140 При явной гибели не плакать не могли;  
Священнымъ двигнуты и долгомъ и закономъ,  
Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;  
Пороковъ торжество, поправну правду зря,  
Отъ лести ограждать осмѣлились Царя.  
145 Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружають,  
Ихъ слезы общую напасть изображаютъ;  
Потупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,  
Казалось, туманъ простерли вкругъ вѣнца;  
На смутныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,  
150 Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.  
Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ!  
Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

- Унылъ престольный градъ, Москва главу склонила,  
Печаль ея лице, какъ ночь пріосѣнила;  
155 Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,  
Тоскуютъ вкругъ нея прекрасныя мѣста;  
Унынье, разтрепавъ волосы, по граду ходить;  
Потупивъ очи внизъ, въ отчаянье приводить,  
Біеть себя во грудь, рѣками слезы лить;  
160 На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;  
Въ дубравахъ стонъ и плачь, печаль въ долинахъ зланныхъ;  
Во градѣ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;  
Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,  
Единый слышентъ вопль во храмахъ Божества.  
165 Грызомая внутри болѣзнью всеминутной,  
Казалась Москва водѣ подобна мутной,  
Которая, лишась движенья и прохладѣ,  
Тускнѣеть, портится и зараждаетъ ядъ.  
Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,  
170 Какъ будто въ Этнѣ огонь внезапно возпаленный,  
Лѣсистые холмы, густыя деревья,  
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса,  
Народъ возволновалъ! Тогда при буйствѣ яромъ,  
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;

- 175 По стогнамъ разлился, на торжищахъ горить,  
И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зрить.  
Противу злыхъ вельможъ мятежники возстали,  
Которы строгости Царевы подгнѣтали,  
Которы душу въ немъ старались возмущать,  
180 Дабы при бурѣ сей Россію расхищать.  
Два Князя Глинскіе смятеню жертвой были,  
Единаго изъ нихъ мятежники убили;  
Другой проницествами отъ нихъ спастись умѣлъ,  
И новой бурей отъ трона возшумѣлъ.  
185 Простерся мщенія мракъ надъ свѣтлымъ Царскимъ домомъ,  
Непримирима власть вооружилась громомъ;  
Разила тѣхъ мужей, разила тѣ мѣста,  
Гдѣ правда отверзая осмѣлилась уста;  
Поборники забавъ награды получали,  
190 А вѣрные сыны возплакавъ замолчали.

Россія, прежнюю утративъ красоту,  
И видя вокругъ себя раздоръ и пустоту,  
Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,  
Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ отторженны границы,  
195 Подъ сѣнью роскошей колеблющейся тронъ,  
Въ чужомъ владѣніи, Двину, Днепръ, Волгу, Донъ,  
И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,  
Возносить къ небесамъ заплаканныя очи;  
Возносить рамена къ небесному Отцу;  
200 Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;  
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,  
Рукою показавъ Москву окровавленну,  
Другою вокругъ нея сліянно море зла;  
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.

- 205 На радужныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,  
Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,  
Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,  
Въ комъ движутся міры, кѣмъ все въ мірахъ живетъ;  
Который съ небеси на всѣхъ равно взираетъ,  
210 Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;  
Царь пламени и водъ, позналъ Россіи гласъ;  
И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,  
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ;  
Онъ руку помощи простерти къ ней помыслилъ;  
215 Свѣтлѣе стали вдругъ надъ нею небеса,  
Живительная къ ней пустилася роса,  
Ея печальну грудь и взоры окропила,  
Мгновенно томную Россію подкрѣпила;  
Одѣла полночь вокругъ румяная заря;

220 На землю Ангели въ кристалну дверь смотря,  
Составили изъ лиръ небесну гармонию  
И пѣли благодать, вѣнчающе Россію.

Тогда единому изъ праведныхъ мужей,  
Живущихъ въ лѣпотѣ божественныхъ лучей,  
225 Господнему лицу во славѣ предстоящихъ,  
И въ ликѣ Ангеловъ, хвалу Его гласящихъ,  
Всевышній рекъ: гряди къ потомку твоему,  
Дай видѣть свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему;  
Въ лицѣ отечества явился Іоанну,  
230 Да узритъ онъ въ тебѣ Россію всю поправну!...

Скоряй, чѣмъ солнца лучъ, текущаго въ эфиръ,  
Летающій средь міровъ, какъ вѣющій зефиръ,  
Небесный мужъ въ страну полночную низходитъ,  
Блистательну черту по воздуху проводить;  
235 Закрытый облакомъ, вступаетъ въ Царскій домъ,  
Гдѣ смутнымъ Іоаннъ лежалъ объятый сномъ;  
Съ пришествіемъ его чертоги озарились;  
Весь градъ затрепеталъ, пороки въ мракъ сокрылись.  
Является Царю сія святая тѣнь  
240 Во образѣ такомъ, въ какомъ была въ той день,  
Въ который въ мірѣ семъ оставивъ зракъ тѣлесный,  
Взлетѣла возстенавъ во свѣтлый домъ небесный;  
Потупленна глава лежаща на плечахъ,  
Печальное лице, померклый свѣтъ въ очахъ,  
245 Мечемъ пронзенна грудь, съ одежды кровь текуща,  
Трепещущая тѣнь съ молчаніемъ грядуща,  
И спящаго Царя во ужасъ привела,  
Приблизилась къ нему и такъ ему рекла:

Ты спишь, безпечный Царь, покоемъ услажденный,  
250 Весельемъ упоенъ, къ побѣдамъ въ свѣтъ рожденный;  
Вѣнецъ, отечество, законы позабылъ,  
Возненавидѣлъ трудъ, забавы возлюбилъ;  
На лонѣ праздности лежитъ твоя корона,  
Не видно вѣрныхъ слугъ; ликуетъ лѣсть у трона.  
255 Ты зришься тигромъ быть, лежащимъ на цвѣтахъ;  
А мы, живущіе въ превыспреннихъ мѣстахъ,  
Мы въ общей гибели участіе пріемлемъ,  
Рабовъ твоихъ слова въ селеньяхъ горнихъ внемлемъ.  
Ты властенъ все творить, тебѣ вѣщаетъ лѣсть;  
260 Ты рабъ отечества, вѣщаютъ долгъ и честь;  
Но гласа истинны ты въ гордости не внемлешь,  
Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.  
Мы Князи сей страны и прадѣды твои,  
Мы плачемъ, взоръ склонивъ въ обители сіи,  
265 Для вѣчныхъ радостей на небо восхищенны,